

УДК 327:321.01
ББК 66.4(0)+66.01

DOI 10.22394/1682-2358-2018-3-106-115

A.A. Kovalev, *Candidate of Sciences (Politics), Docent at the Public Administration Department, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

E.A. Musin, *post-graduate student at the Public Administration Department, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

MILITARY SECURITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY OF POLITICS

Ontological, praxiological, ethical, historical and logical facets of the concept of “military security” are analyzed. It is grounded that the military security of Russia can not be reduced to the number of structural elements. The military security is considered as a specific state of relations between a country and its possible opponents due to the complex political, economic, military and other factors.

Key words and word-combinations: power, military security, theory, politics, philosophy.

A.A. Ковалев, *кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: senator23@yandex.ru)*

Э.А. Мусин, *аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: edvinspb@gmail.com)*

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Проанализированы онтологические, праксеологические, этические и историко-логические аспекты понятия «военная безопасность». Доказывается, что военная безопасность России не сводится к числу составляющих структурных элементов. Военная безопасность рассматривается как особое состояние отношений между страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов.

Ключевые слова и словосочетания: власть, военная безопасность, теория, политика, философия.

Философия политики — важная составная часть социальной философии, которая в последнее время начинает становиться все более актуальной в общем комплексе социально-гуманитарных наук. В своей

предметной области философия политики во многом совпадает с теоретической политологией, которую можно рассматривать как преемника социальной философии, весьма быстро ставшей на ноги в социокультурной реальности XX в. В наступившем столетии политики обязаны решать сложнейшие внутри- и внешне-политические задачи, но одной из главнейших является обеспечение комплексной безопасности страны.

В системе комплексной безопасности важнейшее место занимает военная безопасность — устоявшееся понятие, которое во всех европейских языках возникло с момента зарождения государственности и самой цивилизации. Достигнуть действенных успехов в деле укрепления военной безопасности без повышения уровня теоретического понимания данной проблемы невозможно. Теоретическое понимание проблемы военной безопасности немислимо без применения методологической базы философии политики, которая сама по себе обширна и многоаспектна. С целью рассмотрения некоторых аспектов проблемы военной безопасности в контексте философии политики обратимся к онтологическим, праксеологическим, этическим и историко-логическим особенностям понятия «военная безопасность». Отметим, что все эти грани тесно переплетаются друг с другом, образуя неразрывное единство системного качества военной безопасности, поэтому сама военная безопасность не сводима к числу структурных элементов, ее составляющих.

За всю историю существования философии проблемы войны и мира, безопасности и экзистенциальных угроз часто становились предметом углубленной рефлексии. Вопросы обеспечения военной безопасности государства находили свое отражение еще в работах античных мыслителей. О «*κρατικής ασφάλειας*» (государственной безопасности) рассуждали как первые представители любознательности Фалес и Гераклит, так и столпы «высокой классики» Сократ, Платон и Аристотель.

Платон отмечал в диалоге «Федон», что война разгорается из-за жадности телесных удовольствий и требуемых для реализации этой цели богатств [1, с. 16]. К справедливым войнам Платон относил войны оборонительные или направленные на восстановление справедливости и полагал, что ничто не должно отвлекать воинов от обеспечения военной безопасности. Основная цель воинов — это сохранение мощи и целостности государства. Сущность безопасности, по его мнению, — это предотвращение вреда [2, с. 275].

Аристотель считал, что для защиты государства и его граждан необходимы специальные социальные институты, предназначенные для обеспечения мира [3, с. 307]. Стагирит видел справедливость войны в защите от врагов и установлении наилучшего правления над варварскими народами. И Платон, и Аристотель различали строгие нормы войны в отношении соседей-греков и более слабые — в отношении варваров, к которым возможно применение методов, неприемлемых к эллинам. Как видим, политика двойных стандартов имеет давнюю историю в социокультурной и политической практике человечества. Проблема военной безопасности нередко решалась в зависимости от господствовавшей в ту или иную эпоху формы идеологии, зависевшей от определенных этических воззрений. Онтология военной безопасности теснейшим

образом была связана с этикой и аксиологией. Ценность самой безопасности имела человеческое, социальное и культурное значение, а безопасность рассматривалась как явление действительности, как нечто сущее. Различное понимание добра и зла, блага и вреда не могло не сказаться на трактовках проблем войны и мира — порой диаметрально противоположных у разных мыслителей.

Гай Юлий Цезарь считал, что безопасность должна обеспечиваться вооруженной силой [4, с. 430–439], хотя уже Геродот в своей «Истории» сообщает об античных формах информационной войны и своеобразных «идеологических диверсиях». В пятой книге великого труда излагается, как Аристагор Милетский искусным психологическим воздействием уговаривает персидского сатрапа склонить царя к захвату Наксоса, Пароса, Андроса и других Кикладских островов, а также города Евбеи [5].

Постепенно трансформация самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности. Совершенствование способов истребления себе подобных толкало людей на изучение разнообразных подходов к проблеме безопасности, в том числе и военной, ибо людей в человеческой истории чаще всего истребляли на войне — величайшей опасности для единичного и общего социального бытия.

Длительные и суровые военные действия служили для любой цивилизации проверкой на прочность. Великая европейская цивилизация возникла в Греции, структурно и законодательно окрепла в Римской республике и впоследствии в империи, а окончательно сформировалась в Европе. Новая и свежая кровь европейских народов влилась в жилы греко-римской цивилизации. Европейская цивилизация триумфально пошла по миру. Отнюдь не погруженные в наркотический сон индусы с их верой в нирвану, а деятельные европейцы создали паровой котел, открыли Америку и создали «Илиаду», «Божественную комедию» и «Фауста».

Весь современный мир — продукт пассионарности европейской цивилизации, если использовать терминологию великого мыслителя Л.Н. Гумилева. Бывшие варвары распространяли свои ценности не только мирным путем, но преимущественно огнем и мечом. Благие цели достигались порой весьма спорными средствами, среди которых война занимала главенствующее место. Особо подчеркнем, что христианская западная цивилизация была создана сильными телом и духом, воинственными, гетеросексуальными и абсолютно неполиткорректными людьми, убежденными в превосходстве своего этноса, религии и культуры. С другой стороны, все негативные тенденции и кризисные явления современной эпохи (экологический кризис, аннигиляция нравственности, военные конфликты) также, по большей части, являются результатом развития западноевропейской цивилизации. Сама война может быть понята как превышение меры здоровой агрессивности и неуживчивости, которая жизненно необходима для возникновения любой цивилизации. Желание доказать свою правоту, в том числе и военной силой, коренится в природе западного человека. В этом — диалектическая связь силы и слабости западной цивилизации, где ценность часто оборачивается антиценностью, а добро — злом.

В Новое время Эразм Роттердамский утверждал, что обеспечение безопасности возможно не только военными средствами [6]. Несколько ранее Уильям Оккам сказал Людовику Баварскому, у которого с 1328 г. скрывался в Мюнхене от преследований Папы Римского: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером». По сути, вся христианская цивилизация базируется на признании важности Слова, понимаемого как Дух, Логос, способный убивать и воскресать: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1). Искусно сказанное и вовремя употребленное слово могло не только вызвать войну, но и предотвратить кровопролитие.

Эти мысли находим в трансформированном виде в воззрениях выдающихся политологов современности. Такие исследователи, как В.К. Потехин, В.И. Слипченко подчеркивают, что применение вооруженного насилия отнюдь не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами [7; 8]. Если придерживаться такой точки зрения, то Третья мировая война уже идет полным ходом. Ведь и в 1930-е годы военные действия велись в разных регионах земного шара до того, как разразился мировой военный пожар, а накал идеологической борьбы был обжигающе горяч.

Даже после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. никто из политиков того времени не говорил о том, что началась Вторая мировая война. Даже само слово «война» ими не употреблялось. Немецкая официальная пресса писала о военных действиях в Польше как о «борьбе за мир в Европе», советские пропагандисты после 17 сентября 1939 г. именовали раздел и уничтожение Польши «защитой братских народов» — правда, без уточнения того обстоятельства, от кого эти народы защищаемы. Итальянская пресса вторжение Гитлера в Польшу трактовала как «выполнение миротворческой миссии».

Сегодня часто вспоминают о различных трактовках стратегии непрямых действий сэра Б. Лиддел Гардта, бывшего современником двух мировых войн и самых разнообразных кризисов, в том числе и Карибского [9]. Традиционное понимание войны устарело и не отвечает в полной мере среде безопасности в XXI в. Мысли Лиддел Гардта о том, что для достижения победы противника нужно любой ценой вывести из равновесия, активно используются для стратегии современной информационной войны, а создание действенной стратегии такой войны невозможно без мощной политико-философской базы.

При рассмотрении состояния военной безопасности России как проблемы философии политики в современной ситуации следует учитывать, что войны как явление социокультурной реальности всегда возникают как следствие неразрешимых противоречий в межгосударственных отношениях. Эти противоречия, как и некоторые болезни, хотя порой и загоняются внутрь общественных организмов, но все равно рано или поздно проявляются, и нередко это происходит самым роковым образом.

Ныне уже нет противостояния двух общественно-политических систем, но налицо противостояние цивилизаций, возникшее из-за неразрешенных цивилизационных противоречий. В последние годы наблюдается тенденция к возрождению Русского мира как геополитического единства. Само поня-

тие «Русский мир» в современную эпоху стало интенсивно употребляться отечественными социальными философами, историософами и политологами после встречи В.В. Путина с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге. Именно тогда, в канун Года русского языка, Президент РФ в качестве важнейших составляющих Русского мира выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание — «русский мир». Пожелание Президента РФ было выполнено социальными философами и политологами, и дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер.

И пусть пока само это понятие носит по большей мере культурологический и идеологический оттенок, но налицо и практические шаги, предпринятые в процессе создания и укрепления Евразийского экономического союза, созданного при ведущем активном участии России 1 января 2015 г.

Сама возможность укрепления позиций России вызывает активное противодействие Запада. Идеологические схватки превращаются в борьбу геополитических концепций. Главное, чтобы при этом не страдала истина, ибо она вновь — и уже давно — в ряде научных исследований как на Западе, так и в нашем Отечестве, в некоторых секторах общественно-политического знания запрещена. Господствует идеология в самых разнообразных формах и модификациях. Если же истина противоречит идеологии, то эта истина объявляется преступной. Именно поэтому важно не повторять ошибок советского времени, когда безграмотные идеологи в 1970—1980-е годы привели державу к духовному вакууму и экономическому краху. Важно также не опуститься до уровня западных «прогрессивных» политологов, для многих из которых основным методом научной дискуссии является лишь стройная и продуманная система оскорблений оппонентов.

В современную эпоху происходит унификация мира по американским стандартам, и этот процесс угрожает национальной безопасности многих стран, в том числе напрямую и военной безопасности России. Этот процесс красиво именуют глобализацией. Как отмечает П.А. Горохов, «глобализация — всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему, совпадающий, по сути дела, с Третьей мировой войной, которая ведется развитыми странами Запада против остального мира» [10, с. 44].

Сама военная безопасность любой страны напрямую связана с ее властными структурами. Т. Гоббс акцентировал внимание на том, что у верховной власти есть право объявления войны и заключения мира [11]. Мыслитель много рассуждал о войнах, причины которых коренятся в человеческой природе, склонной в агрессии. В своем труде «Левиафан» философ опровергал старую истину Аристотеля о том, что человек является по природе своей общественным существом.

Но подлинной безопасностью можно достичь лишь при отказе от состояния «войны всех против всех», от «права всех на все». Люди заключают об-

щественный договор, суть которого заключается во взаимных обязательствах между подчиняющим и подчиняющимися. Именно государство — главный гарант всеобщей безопасности. Государство призвано соблюдать нерушимость общественного договора, который, по словам Т. Гоббса, «без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [12, с. 338]. Ныне эти мысли кажутся трюизмом, но в эпоху зарождения капитализма и создания новых общественно-политических концепций идеи Т. Гоббса были струей чистой воды в замутненном болоте средневековых предрассудков.

Собственно, именно Т. Гоббс и Дж. Локк являются творцами теории безопасности, которая стала утверждаться в Новое время и оказала значительное влияние на идеологию и практику европейских государств, в том числе созданных на основе философских и правовых идей Дж. Локка Соединенных Штатов Америки. Именно мысли и доводы, содержащиеся в его произведении «Два трактата о государственном правлении» [13], американские колонисты использовали в своей борьбе против королевской власти во время Американской революции.

Война непосредственно связана с политикой и имеет политическое содержание. Так было всегда, но с возникновением капитализма в Европе политические интересы стали довлеть над прочими и определять состояние войны и мира. К началу XIX столетия, в бурную эпоху наполеоновских войн, определились основные контуры теории войны и военной безопасности. Здесь нельзя не вспомнить о классической книге Карла фон Клаузевица «О войне», созданной в 1832—1837 гг. и призванной осмыслить величественную Наполеоновскую эру, порожденную кровавой и великой Французской революцией. По К. Клаузевицу, война является рационально организованным инструментом национальной политики. Безопасность — состояние, свободное от военной угрозы. Здесь К. Клаузевиц рассуждает в русле основных концепций немецкой классической философии, согласно которым разум довлеть над природой и рационально можно постичь все загадки мироздания. Военный теоретик вполне логично и рационально связал войну и политику. «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с применением иных средств» [14, с. 101].

К. Клаузевиц подчеркивал, что войны не возникают внезапно, но долго и тщательно подготавливаются национальными правительствами, проводящими определенную политику. Война, являясь частью единой системы, лишь продолжает в иной форме предшествующую политику государства. Политика порождает войну, а не наоборот. Если же правительство начало войну, то оно лишь рационально продолжает ту политику, которую проводило до начала военных действий. Мирная политика призвана удовлетворить собственные эгоистические интересы, но если она не дает желаемых результатов, то государственная власть переходит к другой форме политики — войне, главной целью которой является сокрушение вражеской политики военными средствами. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [14, с. 3].

Разумеется, в современную эпоху цели войн не всегда являются политическими в традиционном смысле, ибо меняются сами представления о должном

и сущем в политике. Эти цели не всегда эксплицитно связаны с идеологическим и геополитическим выражением национальных интересов, но имплицитно отражают эти интересы. Геополитика теснейшим, часто неявным образом связана с целым комплексом этнических и религиозных аспектов целей и достижением территориальной или языковой идентичности. Разумеется, само право применять вооруженное насилие при ведении войн в современную эпоху принадлежит не только заинтересованным государствам, но и союзам государств и транснациональным корпорациям.

Суть военной безопасности для России — предотвращение войны, которая угрожала политической и социокультурной целостности страны на протяжении всей ее истории. Здесь онтологическая сущность явления сливается с прагматической стороной. Некоторые аспекты проблемы военной безопасности в условиях силового противостояния цивилизаций в логико-историческом аспекте уже рассматривались в предшествующих работах [15]. Отечественные мыслители часто обращались к проблемам войны и военной безопасности, ибо война была перманентным явлением для русской истории. Гигантская территория России с богатейшими людскими и природными ресурсами издревле манила к себе захватчиков.

Выдающийся историк М.Н. Покровский совершенно справедливо отмечал, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Порой историк-большевик утверждал, что история есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Видимо, эта максима является парафразом мысли британского историка Эдварда Фримана: «История есть политика прошлого, а политика — история настоящего» [16].

Фактически на протяжении всей своей государственной истории России пришлось отражать удары завоевателей, мечтавших захватить богатые и обширные просторы Руси. В начале XVII столетия Россия оказалась под угрозой потери государственности, которая была восстановлена не усилиями верховной власти, а инициативой снизу — народным ополчением, созданным в Нижнем Новгороде под руководством князя Дмитрия Пожарского и гражданина Кузьмы Минина.

Именно вечная необходимость отражать удары многочисленных внешних врагов нашла свое отражение в самой этимологии русского слова «безопасность». Этимологически термин «безопасность» означает состояние свободы от любой возможной опасности, что подчеркивал В.И. Даль в своем великом Словаре. Он определяет слово «безопасность» как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». Далее читаем: «Безопасливый, ничего не опасующийся, неосторожный, самонадеянный, смелый и опрометчивый; безопасливость — свойство, качество». В контексте рассматриваемой тематики интересна поговорка, которую приводит в этой словарной статье В.И. Даль: «Безопасливость губит» [17, с. 67].

Немецкое слово *die Sicherheit* означает «безопасность» и «уверенность», а логика и корни английского *security* и французского *la sécurité* коренятся в латинском слове *securitas*, которое означает состояние уверенности, надежности, стабильности и беззаботности. Собственно, и это латинское слово произошло от древнелатинского *sesed* (без) и *cura* (забота).

В аксиологическом аспекте саму свободу как величайшую ценность можно понимать как в положительном («свобода для»), так и в отрицательном («свобода от») аспектах. Военная безопасность как состояние свободы для мирного и творческого труда всегда была идеалом для русских патриотов. Военная безопасность, сама выступая одной из высших ценностей, давала возможность развиваться высшим духовным потенциям народа. В этом — главный аксиологический аспект военной безопасности.

До 1990-х годов отечественная социально-политическая мысль военную безопасность вполне логично ассоциировала с понятием защиты социалистического государства и укреплением его обороноспособности. Огромную роль играл социалистический патриотизм. В ельцинские годы над патриотизмом посмеивались разные общественно-политические деятели, обанкротившиеся политики, люто ненавидевшие Россию, особенно любили вспоминать афоризм поэта Самуэля Джонсона «Патриотизм — последнее прибежище негодяя» (Patriotism is the last refuge of a scoundrel). С начала 2000-х годов смешки по поводу патриотизма, патриотов и необходимости укреплять безопасность страны стали затихать, но окончательно исчезли, лишь когда в феврале 2016 г. В.В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России.

В 1994 г., в разгар ельцинского безвременья, лауреат Нобелевской премии мира и бывший Государственный секретарь США Г. Киссинджер, изрек: «Любой, кто хоть сколько-нибудь обстоятельно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами» [18]. На наш взгляд, экс-политик верно уловил основную философскую составляющую национальной идеи России, которой она была верна во всех государственно-политических формах на протяжении своей истории (Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз). Г. Киссинджер считается не только выдающимся американским интеллектуалом, но и инициатором и главным проводником политики разрядки в отношениях США и Советского Союза. Г. Киссинджер тщательно изучал русскую историю и литературу, поэтому резюмировал свои наблюдения пророчески: «А ныне русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли рассчитывать на какую-то иную реакцию на это унижение, нежели взрыв национализма?» [18].

Пусть иностранцы именуют русский патриотизм национализмом! Из-за этого вовсе не стоит отрекаться от самих себя и великой истории своего государства лишь потому, что кому-то хочется называть наше Отечество последней империей в мире, а русский патриотизм именовать национализмом. Степень военной безопасности напрямую связана с уровнем патриотизма, ибо безопасным может считать себя лишь государство, свободное от внутренних распрей и способное в любой момент отразить внешнюю опасность силами как армии, так и всего народа.

Патриотизм — диалектический синтез онтологической и аксиологической составляющих духовности, без которого невозможна безопасность страны. Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества является стратегической

целью национальной безопасности, согласно Указу Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 7 мая 2018 г., после инаугурации Президента РФ, был издан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Данный документ направлен на укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

Таким образом, очевидно, что само понимание термина «военная безопасность» в разных исторических эпохах у различных мыслителей варьировалось, различается оно и у современных мыслителей — политологов, философов, юристов. Например, военную безопасность можно понимать «как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [19, с. 81–82].

Различные аспекты безопасности — экономические, политические, психологические и т.д. — исследуются уже в течение столетий. Однако к середине XX столетия явственно высветилась необходимость обобщения множества эмпирических данных и отдельных теоретических положений. Необходим синтез знаний о самом феномене безопасности, создание системной концепции обеспечения безопасности. Многие ученые и в России, и за рубежом приступили к активному исследованию проблем, связанных с обеспечением национальной и международной безопасности. Однако существенные различия в подходах к трактовке социальных процессов, к объяснению их логики также явились причиной возникновения большого количества концепций иногда дополняющих друг друга, а нередко и противоречащих друг другу.

Итак, рассмотрев онтологические, праксеологические, аксиологические, этические и историко-логические особенности понятия «военная безопасность», можно сделать вывод, что военная безопасность России не сводима к числу составляющих структурных элементов, так как образует внутреннее и внешнее единство. Онтология теснейшим образом связана с праксеологией, а этика — с аксиологией, которая, в свою очередь, базируется на сущностной основе. Логика исторического процесса высвечивает экзистенциальную и онтологическую проблематику.

Тем не менее следует констатировать, что исключить возникновение локальных военных действий в эпоху противостояния цивилизаций чрезвычайно сложно. По сути, в мире уже вспыхнули очаги новой мировой войны, и если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет неизбежной.

Создать, сохранить и укрепить состояние военной безопасности нельзя без перманентного анализа меняющейся ситуации, в котором должны быть задействованы философы, политологи, юристы, экономисты и культурологи. Реальная жизнь намного богаче самых объемных и всеохватных философских концепций, но, по нашему убеждению, именно философия политики может послужить нитью Ариадны в лабиринте международных и геополитических противоречий. Исходя из сложившейся социокультурной и геополитической

ситуации противостояния цивилизаций в современном мире, военную безопасность России в качестве предмета анализа философии политики можно определить как диалектическое состояние отношений между Россией и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других противоречий, сглаживание или разрешение которых призвано исключить возможность Третьей мировой войны.

Библиографический список

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 2.
2. Платон. Диалоги. М., 1986.
3. Аристотель. Политик. СПб., 1911.
4. Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 2007.
5. Геродот. История. М., 2007.
6. Роттердамский Э. Воспитание христианского государя. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного. Похвальное слово глупости. М., 2001.
7. Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крупнов. М., 1997. С. 69–87.
8. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.
9. Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. М., 1957.
10. Горюхов П.А. Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 7. С. 44–50.
11. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 139–140.
12. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.
13. Локк Д. Два трактата о государственном правлении. М., 2009.
14. Клаузевиц К. О войне. М., 1933.
15. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб., 2016.
16. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2005.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 1: А – З.
18. Kissinger I.W. A Biography. New York: Simon & Schuster, 2005.
19. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000.